

ЕСТЬ НАД ЧЕМ ДУМАТЬ

24 МАЯ 1969

Крымская Правда

ВСЕГДА приятно, когда зрительный зал переполнен. Но спектакли, как люди, могут притягивать разным. Одни — бесценным весельем, о котором забудешь завтра. Другое — умом, душевностью, которую запомнишь надолго. Встреча с Калининским театром, мне кажется, оставит прочный след в памяти крымчан.

Открылись гастролью спектаклем «...Правду! Ничего, кроме правды!» Все зрители — и занятые театралы, и те, кто бывает в театре лишь от случая к случаю, — обратили внимание на этот спектакль еще по афише. Привлекла фамилия постановщика — одного из лучших советских режиссеров, лауреата Ленинской и Государственных премий, народного артиста СССР Г. А. Товстоногова.

Как и следовало ожидать, спектакль поставлен блестяще. На сцене — судебный процесс, заглавный американским режиссерами против молодой Советской республики. Стоит охрана, работают стенографистки, идет допрос свидетелей. Суд как суд. К тому же зрители предупреждены, что все происходит в строгом соответствии со стенограммой действительного процесса. Однако натуралистического фотографирования нет и в помине.

Атмосфера позднего искусства начинается с «мелочей». Еще не появились судьи, но мы уже видим равнодушно жующего полицейского, шепчущего о своем стенографистку, распорядившегося с элегантной

небрежностью шерифа, — и дух буржуазного суда, показного, безразличного к истине, уже вытает перед нами.

Он обретает плоть, когда сценаторы всаживаются за судейский стол. Разные лицами, движениями, они едины в той нечуживости, с какой пристрастно судят большевиков. Полнее всего, на мой взгляд, режиссерский замысел реализован в талантливой игре заслуженного артиста РСФСР А. Вокча. Его председательствующий Овермиз глумится не больше, чем дугине. Никого особого выигрышного текста у артиста тоже нет. Но именно он наиболее тонко и достоверно воспроизводит лицемерие судьи-реакционера. Ничего нарочитого, «благожелательности» интонации. Даже остаивающиеся (не обрывает!) неугодных свидетелей он почти любезно. Однако в этом «почти» весь секрет исполнительского мастерства А. Вокча. Он сумел поднять до большого социального обобщения. Овермиз у него — вполне конкретный человек и своего рода символ буржуазного американизма.

Самым сильным противником Овермиза и всей сенаторской шайки в спектакле оказался ведущий — Б. Заволокин. В перечне действующих лиц он скромно именуется «От театра». Однако на самом деле это — наш современный, советский человек, который сам судит неправедных американских судей, обнажает скрытые пружины происходившего в 1919 году. Постановщик не случайно

ГАСТРОЛИ КАЛИНИНСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В КРЫМУ

поместил этого человека в зрительный зал, рядом с нами. Это сделано не ради театрального эффекта, а потому, что от нашего имени, от имени строителя коммунизма, победителей всех интервентов и гитлеровских гонимых, произносится приговор тем, кто хотел задушить деише Октября при самом его рождении.

Особенно запоминается прямой поединок ведущего и сенаторов. Сцена затенена. Луч света выхватывает лишь перекосные в испуге сенаторские лица. Слова правды, великой правды революции бросает в эти лица ведущий. Сенаторы стращали клевету на большевиков, будто бы отвергнувших Россию в пучину голода и разрухи. А правда, настоящая правда была в том, что до этого довели страну буржуазное временное правительство, иностранная интервенция. Правда, что за подписью Ленина в разные концы России шли телеграммы — приказы и мольбы — о хлебе для рабочих.

Невозможно забыть одну такую труппу, которую читает Заволокин — ведущий. Сила подлинного искусства в том и заключается, что актер словно бы только читает телеграмму. Но читает ее так, что весь зрительный зал потрясен смыслом его слов.

Хороши у Б. Заволокина и переходы от обличения, гнева к ироническому: ну, продолжайте там, по вашей стенограмме. Однако хотелось бы больше таких разнообразных

оттонок в его речи, меньше крика, которым артист порой все же злоупотребляет.

И другим участникам этого интереснейшего спектакля хочется также пожелать еще более филигранной работы над ролями, которая подыала бы весь исполнительский уровень до очень высокого — режиссерского.

К этому у калининцев есть все возможности. Коллектив театра творческий не только по назначению, но и по существу. В нем много бесспорно одаренных артистов как зрелого, так и молодого возраста. Крымские зрители давно знают, например, прекрасную характерную актрису А. Волыкову, которая играла у нас в первые послевоенные годы. Теперь она — уже заслуженная артистка РСФСР. Е. Алина — молодая Булавина, «спасшая нашего города», бывшая опереточная героиня, — характер селотерой Анна Иванова возвращает прищипу, театральная деловитость ее покая. При этом том А. Волыкина убеждает нас, что Булавина вовсе не только комичка. Хороший, отзывчивый человек, она как своя вводит в лирическую атмосферу спектакля. Романы Алены Николаевны живыми малейшей пылинками. Трещотками и ниткой японизма! они афирами а деле, а широкими. Подобная многоталовость — результат высокого мастерства. И если зрители об этом не сказали, то никак нельзя не сказать о Г. Бизисе, хотя познавательная с ней впервые. Очень уж сильное впечатление произвело она в ролях Гоме-риды — старой дореволюционной старухи, безжалостно эксплуатировавшей подлость своего образа злодейки самого крупного масштаба. Гоме-рида — Бизиса творит зло но глубочайшим убеждением, что поступает правильно. Она и ее добрый муж совсем говорят на разных языках: мы не

помним друг друга. Гоме-рида настолько убеждена в своей правоте, что ей нет никакой необходимости заранее доказывать, что-либо. Не он «обобщает» роль старухи. Артистка подводит нас к мысли: как бы ты было велико зло, с ним нужно бороться, его нельзя победить.

В творческих силах театра убеждает и способная молодежь. Мы уже писали о Б. Заволокине в связи со спектаклем «...Правду! Ничего, кроме правды!». И в других спектаклях артисты тоже заставляют зрителя думать. В «Короле Лире» Заволокин — Эдмонд, подобно Гоме-риде, помогает помнить как масштабы зла, так и смысл его поражения. Однако еще больше, чем в роли ведущего, молодому артисту здесь необходимо многообразие оттенков. А оно появляется лишь в финале спектакля, где Эдмонд перестает быть однозначным и ближе всего подходит к собственному шекспировскому.

«Король Лир» поставлен главным режиссером театра заслуженным артистом РСФСР А. Вокчем вообще с большим доверием к творческой молодежи. Достаточно сказать, что роль Кента, которая обычно поручалась пожилым актерам, играет тоже молодой — В. Габасва. Ведь главный конфликт трагедии не между поколениями «отцов» и «детей», а более глубокий — социальный. Он усилен тем, что благородный, посмеявший пережить Лиру в порогу его королевского могущества и оставшийся с Лиром-изгнанником, Кент молод. Почти так же, как Эдмонд. Невозможно согласиться с теми, кто отрицательно оценивает Кента —

Габасва. Это положительный и в то же время яркий, не холодный герой. Он живет на сцене каждую минуту, даже когда молчит и внешне бездействует. Полным достоинством взглядом встречает он в первом акте суровый приговор короля. А позднее в его глазах, обращенных к Лиру, который сам бьется в беду, — столько человеческого тепла. Но в этот же взгляд вражда к тем, кто надругался над Лиром.

В творческом коллективе Калининского театра есть и талантливые художники Г. Бизис. Его постановка в «Короле Лире» доказывает и ему. Особо впечатляющим в сцене было. То расклевывались, то захватывались от ветра тонкие нитки, усиливая ощущение катастрофы, крушения того, что казалось прочным, несокрушимым. Интересно художественное оформление в некоторых других спектаклях. В то же время нельзя не отметить, что так же уж необходимо учитывать театральные задачи? Не является ли по-прежнему отсутствием его тоже недостатком?

Продолжая разговор о том, чем богаты калининцы, я должна, просто обязана, заметить еще одну особенность их творческого коллектива — любовь к «звездной болезни». Актеры, за которыми в программе значатся главные роли, там же фигурируют в самых что ни на есть второстепенных, эпизодических, порой даже безмолвных ролях. Сегодня ты, скажем, Кент или Эдмонд, а завтра слуга герцога. И ты не просто приносишь и уносишь, что положено. Не произносишь слова, ты, однако, несешь на себе или отбрасываешь, что

(Окончание на 4-й стр.)